

DOI: 10.31857/S032103910018404-7

LEX И IUS В ДИСКУРСЕ ПРОПЕРЦИЯ И ОВИДИЯ: ПРИНЦИПАТ АВГУСТА КАК ВОЕНИЗИРОВАННОЕ ЦАРСТВО МИНОСА

Д. А. Усов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: usovda1996@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1896-0320

В статье на основе анализа трактовки понятий «закон» (*lex*) и «право» (*ius*) у Проперция и Овидия рассматривается восприятие ими политического режима Августа. Цель исследования — определить ключевые значения понятий *lex* и *ius* у элегиков через выявление специфики их семантических отношений со словами *arma* (война, оружие), *aurum* (золото), *pudor* (стыд), *metus/timor* (страх), *amor* (любовь), *liber/libertas* (свободный/свобода), *felix/felicitas* (счастливый/счастье) и др. В большинстве рассмотренных случаев слова *lex* и *ius* употреблены в значении строгого предписания, власти кого-либо над чем-либо или кем-либо. Такие предписания делятся на два типа: внешнее государственное постановление и внутреннее повеление сердца влюбленного. *Lex* и *ius* первого типа тесно связываются с Августом, который в данном контексте принимает два дополняющих друг друга образа. Проперций изображает его как императора, победоносного военачальника, налагающего законы на покоренные народы и племена; Овидий — как принцепса, судью-законодателя, сосредоточенного на частной жизни римских граждан. В обоих случаях принципат предстает прямым продолжением республики: сохраняются практика хищнического ограбления других народов и республиканская по своему духу репрессивность в отношении собственных граждан. Все это, по мысли поэтов, негативным образом сказывается на жизни простого гражданина. Согласно Проперцию, государственные законы, сопряженные с грабительскими внешними войнами, способствуют процветанию пороков и тем самым губят искреннюю любовь как залог подлинного счастья. Это заставляет элегика признать за влюбленным право не участвовать в военных действиях. Согласно Овидию, изображившему принципат Августа как царство Миноса, законы правителя безжалостно подавляют человеческую свободу (*libertas*), вынуждая влюбленного, подобно Дедалу и Скилле, бежать прочь из покоренного Римом *orbis terrarum*. В конечном счете оба поэта изображают принципат Августа как режим личной власти императора-принцепса, чьи *leges* и *iura* несовместимы со стремлением римских граждан добиваться индивидуального счастья (*felicitas*).

Данные об авторе. Дмитрий Андреевич Усов — аспирант кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Ключевые слова: принципат Августа, *lex*, *ius*, римская элегия, Проперций, Овидий, политический подтекст поэзии эпохи Августа

LEX AND IUS IN PROPERTIUS' AND OVID'S DISCOURSE: THE AUGUSTAN PRINCIPATE AS THE PARAMILITARY KINGDOM OF MINOS

Dmitriy A. Usov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: usovda1996@gmail.com

The paper examines Propertius' and Ovid's perception of Augustus' political regime analyzing their interpretation of *lex* and *ius*. The aim of the study is to determine the key meanings of these concepts by demonstrating the peculiarities of their semantic relations with the terms *arma* (war, weapons), *aurum* (gold), *pudor* (shame), *metus/timor* (fear), *amor* (love), *liber/libertas* (free/freedom), *felix/felicitas* (happy/happiness), etc. The study has shown that in most cases the terms *lex* and *ius* mean a strict prescription, someone's power exercised over something or somebody. Such prescriptions are divided into two types: an external state decree and an internal order of a lover's heart. *Lex* and *ius* of the first type are closely associated with Augustus who in this context appears in two complementary guises. Propertius depicts him as an *imperator*, a victorious military leader who imposes laws on conquered peoples and tribes, while Ovid portrays him as a *princeps*, a judge-legislator who focuses on the private life of Roman citizens. In both cases, principate appears as a direct continuation of republic: pillaging of foreign lands persists as well as repressions (republican in their spirit) against citizens. The poets argue that these facts negatively affect life of an ordinary citizen. According to Propertius, public laws, coupled with predatory external wars, make vices thrive and thereby destroy sincere love as a guarantee of genuine happiness. This brings him to the statement of the lovers' right not to participate in battles. Portraying the Augustan principate as the kingdom of Minos, Ovid shows that the laws of the ruler ruthlessly suppress human freedom (*libertas*), forcing lovers, like Daedalus and Scylla, to flee away from the *orbis terrarum* conquered by Rome. Ultimately, both poets depict the Augustan principate as a regime of emperor-princeps' personal power, whose *leges* and *iura* are incompatible with the aspiration of Roman citizens to seek individual happiness (*felicitas*).

Keywords: Augustus' principate, *lex*, *ius*, elegies, Propertius, Ovid, political dimension of the poetry of Augustan era

В политическом дискурсе эпохи Республики *lex* (закон) и *ius* (право) понимались как важнейшие спутники и гаранты *libertas* (свободы)¹, воплощавшей главные принципы внутривластной жизни Рима: право гражданина на участие в управлении государственными делами, равенство перед

¹ Дж. У. Рич и Дж. Х. К. Уильямс привели многочисленные примеры из римских источников, убедительно свидетельствующие в пользу данного утверждения: Rich, Williams 1999, 185–186 (особ. п. 57). О связи свободы и закона у Ливия см. Knabe 1993, 617–621. Также см. Brunt 1988, 296–298, 317–320, 334–338; Arena 2021, 48–49, 56.

законом, свободу от тирании и свободу слова². Не ограниченная законом свобода (*licentia*) считалась неперенным атрибутом тирана и в рамках концепции «упадка нравов» изображалась как один из признаков деградации политической системы Рима. Она означала своеволие, разнузданность, произвол, непочтительность к законам, обеспокоенность личными интересами в ущерб общественным³. Эпоха Принципата сохранила связь *lex* и *ius* с *libertas*, однако последняя все больше понималась как безопасность (*securitas*) и мир (*paх*)⁴, попечение о которых легло на плечи римского императора. Хорошо известно, что Август всячески демонстрировал свою приверженность законности. Приняв на себя образ судьи и законодателя, он заботился о нравах своих сограждан, чтит законы и права, тем самым оберегая *paх* и *securitas*. Такова была официальная картина. Но как воспринимали Августа и его правление сами римские граждане? Рассмотрим понимание режима принципата поэтами-современниками через семантический анализ понятий *lex* и *ius* в их произведениях. В данной статье мы сосредоточимся на представлениях Проперция и Овидия.

До середины XX в. большинство ученых не сомневались в симпатиях поэтов «золотого века» к режиму Августа. При этом исследователи были склонны политизировать все аспекты художественных произведений путем рассмотрения их преимущественно в качестве одного из средств утверждения идеологии нового режима. Во второй половине XX в. одновременно с критикой такого «пропагандистского» подхода заняла прочные позиции новая, «пессимистическая» (или «гарвардская») школа изучения поэзии данной эпохи. По мнению ее сторонников, за панегирическим фасадом художественного мира поэтических сочинений обязательно скрывается суровая критика императора и навязанных им порядков. По логике ученых, отношение великих римских поэтов к системе Августа, во многих чертах схожей с тоталитарными режимами XX в., могло быть только негативным⁵.

В современном антиковедении все чаще встречаются сомнения в справедливости обоих подходов. Оправданно ли редуцирование всего политического содержания (и тем более общего смысла художественного произведения) к элементарной политической позиции его автора — проавгустовой или антиавгустовой⁶? Полагая, что нет, мы попытаемся абстрагироваться от вопроса политических симпатий литераторов и сосредоточиться на особенностях образа Августа и его правления в их произведениях. Для этого обратимся к анализу актуальных для эпохи Августа понятий *lex* и *ius* в их семантической связи с терминами *agma* (война,

² Подробнее см. Wirszubski 1968, 4, 12, 137; Shtaerman 1985, 26–27; von der Osten 2006, 39; Arena 2012, 28–30; Balmaceda 2020, 33.

³ Wirszubski 1968, 7; Devine 1978, 27, 31, 315–317, 339–340; Arena 2012, 69, 167, 244–245.

⁴ Galinsky 2006, 3, 6–7; Tokarev 2011, 150–155; Mezheritskiy 2016, 492–493. На эпоху правления Юлиев-Клавдиев приходится становление религиозного культа *Securitas* и начало активного почитания безопасности как важного коллективного блага (Danilov 2017, 82).

⁵ О школах см. Schmidt 2001, 154–163; Shumilin 2015, 213–215; Galinsky 2017, 152–154. Краткий обзор истории изучения политических взглядов Овидия см. Usov 2021, 5–7.

⁶ Galinsky 1975, 215–217; 2017, 154–162; Kennedy 1992, 42–47; Barchiesi 1997, 7, 44, 262; Schmidt 2001, 169–171; Balsley 2011, 65; Shumilin 2015, 215–220.

оружие), *aurum* (золото), *pudor* (стыд), *metus/timor* (страх), *amor* (любовь), *liber/libertas* (свободный/свобода), *felix/felicitas* (счастливый/счастье) и др.

Обычно исследователи рассматривают употребление терминов *lex* и *ius* литераторами в контексте исследований юридического языка в поэтическом дискурсе. При этом наибольший интерес у специалистов вызывают сочинения Овидия. Считается, что в отличие от большинства римских поэтов он не ограничивался использованием правовых понятий лишь в качестве метафор и иллюстраций⁷, но применял их особым образом⁸. По примерным подсчетам Э. Кенни, слово *lex* встречается у Овидия 74 раза, *ius* — 134, тогда как у Лукреция — соответственно 10 и 9, у Катуллы — 1 и 5, у Вергилия — 19 и 18, у Горация (в «Одах») — 9 и 5⁹, у Проперция — 18 и 21, у Тибуллы (в I и II кн.) — 3 и 1¹⁰. Кроме того, у Овидия можно обнаружить такие правовые понятия, которые не использует ни один другой поэт: *legitimus*, *index*¹¹, *vindicta*, *asserо*, *assertor*. Уже только эти формальные показатели свидетельствуют об особом отношении элегика к юридическому языку.

Одним из первых к изучению этой проблематики приступил М. М. Покровский. На основе анализа правовых категорий в произведениях Овидия исследователь убедительно продемонстрировал недовольство поэта Юлиевым законом против прелюбодеяний, активно высмеиваемом в его стихах¹². Однако в мировой науке первопроходцем в этой области считается Э. Кенни, который подробно исследовал особенности употребления Овидием юридических понятий, почерпнутых им, по мнению ученого, не столько в школе, сколько из судебной практики¹³. Этим же вопросом занимался А. Холлис¹⁴.

К. Коулман и К. Бэлсли рассмотрели сцену из третьей книги «Метаморфоз» Овидия (с участием Тиресия, Юпитера и Юноны: *Met.* III. 322–338), в которой поэт пародирует судебное разбирательство. На взгляд К. Коулмана, педантичная передача языка юристов в данном контексте призвана продемонстрировать, насколько тривиальны и недостойны заботы спорящих олимпийцев¹⁵. По мнению К. Бэлсли, имитируя типичные для его времени дебаты о сексуальных отношениях и изображая Юнону их жертвой, Овидий тем самым высмеивает моральное законодательство Августа¹⁶. В другой работе К. Бэлсли пришла к заключению, что Овидий был первым римским автором, который воспринимал и изображал императора преимущественно как судью (*princeps iudex*). При этом элегик, полагает исследовательница, отразил не актуальные, но возможные негативные последствия сосредоточения

⁷ Такой практикой употребления юридического языка (добавляя к этому функцию создания сценической шутки) ограничивал римскую литературу, в частности, Дж. Крук (Crook 1967, 8).

⁸ Kenney 1969, 243, 250; 1970, 392; Hollis 1994, 548; Balsley 2010, 14–15; 2011, 49–50.

⁹ По нашим подсчетам, во всех трудах Горация *lex* встречается 28 раз, *ius* — 42.

¹⁰ Kenney 1969, 253–254.

¹¹ Если не считать одного случая употребления у Проперция (IV. 2. 19).

¹² Pokrovskiy 1907, 3, 58–69.

¹³ Kenney 1969, 243–263; 1970, 388–414.

¹⁴ Hollis 1994, 545–549.

¹⁵ Coleman 1990, 572.

¹⁶ Balsley 2010, 25–27.

судебной власти в руках одного человека¹⁷. М. Магауан, исследуя юридический язык в «ссылной» поэзии Овидия, также обратил внимание на особенности репрезентации образа Августа как полновластного судьи (*iudex*) и бога (*deus/numen*)¹⁸.

Некоторые важные наблюдения по данному вопросу сделал Ч. Сигал. Сравнив версии истории Орфея и Эвридики в изложении Вергилия и Овидия, ученый показал, что оба поэта противопоставляют страсть Орфея нарушенному им закону; но если Вергилий указывает на заслуженность последовавших за преступлением страданий героя, то Овидий, сочувствуя ему, подчеркивает силу его любви к Эвридике¹⁹. Р. Верстиг и Н. Барклейс обнаруживают в данном эпизоде у Овидия насмешку над законом и его силой²⁰.

С другой стороны к проблеме подошли М. Лоури и И. Зиогас. Исследователи рассматривают поэтический мир Овидия и правовую систему принципата как два конкурирующих друг с другом дискурса. По словам М. Лоури, Овидий противопоставляет поэта законодателю, силу поэзии — силе правителя²¹. И. Зиогас утверждает, что поэтический дискурс не столько отражает и комментирует римское законодательство, сколько стремится участвовать в законотворчестве: Орфей у Овидия как *auctor* уподобляется Августу, однако своим поэтическим творчеством он утверждает противоположные семейному законодательству принципса нормы сексуального поведения²². Наиболее глубокое развитие эти идеи получили в монографии И. Зиогаса «Закон и любовь у Овидия»²³.

Юридический язык остальных поэтов эпохи Августа исследован менее тщательно. Из сочинений Горация обращают внимание главным образом на его «Сатиры», написанные в 30-е годы до н.э. — до установления власти Октавиана. Т. Мазурек²⁴ и Т. Макгинн²⁵ указали на критику Горацием современных ему юристов, законов и системы правосудия. На взгляд Т. Макгинна, преимущества закона поэт смог оценить только при власти принципса²⁶. Дж. Татум²⁷ и М. Лоури²⁸ рассмотрели первую сатиру второй книги, в которой Гораций говорит об Октавиане как гаранте истинной свободы слова и справедливости, верховном арбитре, позволяющем поэту оставаться выше закона²⁹. Некоторых аспектов понимания закона у Проперция коснулись М. Джанан³⁰ и М. Лоури³¹. Также М. Лоури обратила внимание на связь

¹⁷ Balsley 2011, 59, 64.

¹⁸ McGowan 2009, 37–41, 59–61, 121–122, 128–129, 132–151.

¹⁹ Segal 1989, 54–72.

²⁰ VerSteeg, Barclay 2003, 401, 414–415.

²¹ Lowrie 2009, 361, 374–375, 378.

²² Ziogas 2016, 28–41.

²³ Ziogas 2021, 2–3, 5, 10.

²⁴ Mazurek 1997, 6.

²⁵ McGinn 2001, 82, 85, 89–90.

²⁶ McGinn 2001, 93.

²⁷ Tatum 1998, 698–699.

²⁸ Lowrie 2009, 331, 343–346, 348.

²⁹ Важно иметь в виду, что «Сатиры» были созданы до политического урегулирования 28–27 гг. до н.э. и официально провозглашенного восстановления законности.

³⁰ Janan 2001, 146–163.

³¹ Lowrie 2009, 349–359.

в «Энеиде» Вергилия законотворчества и защиты закона с применением насилия³². Идентификации и систематизации юридической терминологии в произведениях поэтов периода правления Августа посвящена монография У. Геххардта³³. Можно отметить ряд работ, рассматривающих проблему свободы, и в частности свободы слова, у Вергилия, Горация, Тибулла, Овидия³⁴.

Из приведенного историографического обзора очевидны широкие перспективы дальнейшего исследования правовых понятий в трудах поэтов эпохи Августа. В отличие от большинства ученых, обращавшихся к изучению юридического языка литераторов и специфики взаимодействия правового и поэтического дискурсов, мы сосредоточимся на особенностях имплицитно сконструированных авторами образов принцепса и его правления как важных компонентов картины мира римского гражданина. Семантический анализ понятий *lex* и *ius* представляется нам подходящим инструментом для достижения указанной цели.

Мысль о том, что авторы элегий стояли в оппозиции идеологии режима принципата, давно стала трюизмом³⁵. Помимо Овидиевой иронии над брачными законами Августа и скептическим отношением элегиков к полисно-республиканской морали, исследователи обычно подчеркивают антивоенный пафос многих пассажей их произведений, использующих военную терминологию для противопоставления мира любви миру сражений и завоеваний³⁶. Однако только у Проперция категории *lex* и *ius* позволяют подступиться к пониманию правления Августа в похожей плоскости. Принципат для поэта — преимущественно милитаристский режим, ориентированный на грабительские внешние войны.

В третьей книге элегий, опубликованной около 23 г. до н.э., Проперций пишет о планах Цезаря-бога (*deus Caesar*) начать войну против *богатых* индов (*dites Indi* — Prop. III. 4. 1) и флотом расколоть бушующее море, *полное драгоценных камней* (*gemmifer mare* — III. 4. 2). *Добыча* обещает быть крупной (*magna merces* — III. 4. 3), и отдаленнейшая земля (*ultima terra*) уже готовит для Рима триумфы (III. 4. 3). Если Вергилий в «Георгиках» (29 г. до н.э.) мотивирует походы Октавиана в дальнюю Азию (*extrema Asia*) необходимостью защищать Рим от индов (II. 170–172), то у Проперция во главе угла оказывается стремление обогатиться. На это прямо указывают три слова с семантикой богатства в первых же трех строках элегии: *dites*, *gemmifer*, *merces*. В четвертой строке Проперций вводит новую переменную — *iura*: «Тигр и Евфрат будут течь под *законами* императора» (*Tigris et Euphrates sub tua iura fluent* — III. 4. 4). Глагол *fluere* в форме будущего времени ясно указывает на то, что Месопотамия в понимании автора еще не покорена. В следующей строке говорится о включении ее в состав Римской империи как о вопросе далекого будущего (III. 4. 5), тогда как Вергилий несколькими годами ранее писал об этом как о свершающемся событии: великий Цезарь (*Caesar*

³² Lowrie 2010, 392–395.

³³ Gebhardt, 2009.

³⁴ Bowditch 1994; Lefèvre 1998; Galinsky 2006; Johnston 2006; Smith 2006; von der Osten 2006; Davis 2016; Eckerman 2016.

³⁵ Tronskiy 1988, 382; Durov 2000, 286, 291; von Albrecht 2004, 822–823.

³⁶ Osharov 1983, 11; Wyke 1989, 42; Davis 1999, 439–442; von Albrecht 2004, 823; Drinkwater 2013, 199–200; Kudryavtseva 2015, 333–335.

magnus) поражает Евфрат войной, словно молниями (*fulminat bello*), устанавливает по воле местных народов законы (*iuga*) и, как следствие, устремляется к Олимпу (*Georg.* IV. 560–562). Покорение восточных земель представлялось Вергилию одним из факторов будущего обожествления императора. Проперций же говорит об Августе как о живом божестве (*deus Caesar*), хотя Месопотамия им не завоевана; и движет правителем, согласно элегику, стремление обогатить Рим, а не обеспечить его безопасность. Вергилий связывает законы с утверждением порядка и добродетелей³⁷ (см. также *Georg.* IV. 149–218)³⁸, Проперций — с грабежом других народов, ведущим в конечном счете к процветанию всевозможных пороков и несправедливостей (подробнее об этом скажем ниже).

Далее Проперций сообщает о предстоящем походе римлян за парфянскими трофеями (*Partha trophaea*) и призывает к мести за несчастье Крассов (III. 4. 6–10). Речь идет о доспехах и знаменах римских легионов, доставшихся парфянам в результате битвы при Каррах 53 г. до н.э. Как известно, в ходе дипломатических переговоров 20 г. до н.э. с Фраатом IV Августу удалось добиться их возвращения. Знаки легионов были помещены в храм Марса Мстителя, что свидетельствовало о состоявшейся мести (*RGDA.* 29. 2)³⁹. Заключенный с Парфией договор преподносился Августом как важное личное достижение, «как победа над грозным противником, означавшая установление римского владычества над восточной державой»⁴⁰. Проперций, ставя *Partha trophaea* (парфянские трофеи) в один ряд с ожидавшейся в Индии *magna merces* (крупной добычей), подменяет благородную в глазах принцепса цель — месть за поражение римских легионов и подчинение Парфии своей власти — сомнительной жадой обогащения⁴¹, тем самым отрицая важность предстоящего события⁴². *Dites Indi, gemmifer mare, magna merces* и *Partha trophaea* оказываются явлениями одного рода. Следующие строки, в которых категория *spolia* (военная добыча) выступает родовым понятием для *magna merces* и *Partha trophaea* и обобщает преследуемые в военных походах цели императора, подтверждают приведенную нами мысль. Поэт молит Марса и очаг Весты дожить до того дня, когда он сможет увидеть колесницы Цезаря настолько перегруженными военной добычей (*spoliis onerati Caesaris axes*), чтобы им приходилось многократно останавливаться (*saepe resistere*) под ликование народа (III. 4. 11–14). Тогда Проперций прильнет к груди дорогой ему девушки и вместе с рукоплещущей толпой примется рассматривать привезенные диковины. Ничего из награбленного ему не нужно — пусть оно достанется тем, кто заслужил это своими трудами (III. 4. 15–22). Можно подумать, что Проперций говорит о своем

³⁷ Эту же идею находим у Горация (*Hor. Od.* IV. 5. 15–24).

³⁸ Moreva-Vulikh 2000, 61, 100, 106, 113–115, 122–126, 140, 146, 150, 166–167; Johnston 2006, 30.

³⁹ Mezheritskiy 2016, 545.

⁴⁰ Makhlayuk 2019, 663. Об этом прямо пишет Гораций (*Ep.* I. 12. 27–28).

⁴¹ Осуждение богатства и идеализация бедности были важной составляющей римского мифа (Knabe 1993, 648).

⁴² Как доказывает С. Казали, над восточной политикой Августа иронизирует и Овидий: Casali 2006, 230–234.

желании заставить Рим подлинно всемогущим, однако более вероятно то, что он просит богов о скорейшем прекращении грабительских войн.

В первых строках следующего же стихотворения поэт открыто заявляет о несовместимости любовной страсти со стремлением к обогащению: «Амур — бог мира, и мы, влюбленные, почитаем мир» (*Pacis Amor deus est, pacem veneramus amantes...* — III. 5. 1)⁴³. Его сердце не пленит ненавистное *золото* (*invisum aurum*), его жажде не нужен сосуд из дорогого *самоцвета* (*gemma dives* — III. 5. 3–4). Кому милее война, пусть вернут *знамена* Красса (*Crassi signa* — III. 5. 47–48). Убеждая Мецената в своей неспособности прославлять военные брани, поэт причисляет себя к рожденным для мира, которым противопоставляются люди войны под водительством Цезаря (III. 9. 1–20, 27, 35–46). Ключевыми составляющими близкого к Цезарю поля деятельности выступают учреждение *законов/прав* на форуме (*ronere iura foro*), а также добыча легких *богатств* (*faciles opes*) и трофейных *оружий* (*arma*) в войнах (III. 9. 24–28). Как видим, *Crassi signa* (*Partha tropaea*), *arma*, *aurum*, *gemma*, *opes*, *iura* вновь оказываются явлениями одного порядка, замыкающимися на фигуре воинственного императора. Особенно подчеркнем связь грабительских войн с законами. В четвертой книге Проперций прямо пишет, что на форуме утверждаются *законы/права* (*iura*) для покоренных земель (IV. 4. 11–12). Конечно, и у Вергилия, Горация, Овидия встречается мысль о римлянах как державном народе, призванном править всем миром и налагать на побежденных свои законы⁴⁴. Безусловно и то, что во вселенной «Энеиды» утверждение законности сопровождается страшным насилием⁴⁵. При этом ни у одного из упомянутых авторов римские завоевания не мотивируются стремлением поживиться. Законы в произведениях Вергилия и Горация имеют сильные коннотации порядка, мира и безопасности⁴⁶. Для Проперция же законы — это в первую очередь атрибут хищнического завоевания, цель которого заключается в обеспечении колесниц Цезаря богатыми трофеями.

Выбор между войной и миром означает для элегика выбор между законом и любовью, наживой (*lucrum*) и любимой (III. 20. 1–3). В духе идеи упадка нравов Проперций винит добытые завоеваниями богатства во всех бедах Рима. В условиях империи, когда все вокруг почитают золото (*aurum*) и даже *закон* (*lex*) повинуетея золоту (*aurum lex sequitur*⁴⁷), исчезают благочестие (*pietas*), верность (*fides*), стыд (*pudor*), продажным становится *право* (*iura* — III. 13. 47–50)⁴⁸. Важно, что такое положение дел Проперций, по сути, отождествляет с беззаконием — ведь *pudor* теряет силу именно в отсутствие закона (*sine lege* — III. 13. 50).

⁴³ То же у Овидия (*Am.* III. 2. 49–50).

⁴⁴ *Lex/leges* — Verg. *Aen.* IV. 229–231; Hor. *Od.* IV. 14. 7–9; *ius/iura* — Hor. *Od.* III. 3. 44; *Ep.* I. 12. 27–28; Ovid. *Fast.* I. 515–516; *edicta* — Hor. *Od.* IV. 15. 21–22.

⁴⁵ Lowrie 2010, 392–395.

⁴⁶ Verg. *Aen.* I. 507–508; IV. 615–619; IX. 642–643; XI. 320–322; XII. 111–112; Hor. *Od.* IV. 5. 15–22; IV. 15. 17–22; *Ars.* 120–122, 196–201.

⁴⁷ Данную фразу можно перевести и как «закон *преследует* (!) золото». Такой смысл вполне согласуется с представлениями Проперция о *lex* и *ius* как важных спутниках грабительских войн.

⁴⁸ Овидий выразил похожее настроение (*Am.* I. 15. 3–6; *Ars am.* II. 277–278).

Неизбежным следствием культа золота оказывается появление сводни — ненавистного элегiku персонажа и ключевого объекта его нещадной критики⁴⁹. Она учит девушек руководствоваться критерием богатства при выборе партнера⁵⁰, она — друг неправд (*mendacia*), она — враг верности (*fides*) и законов стыдливости (*iura pudicitiae* — IV. 5. 1–78). Следовательно, нарушение закона Августа режима, который благоволит подобным несправедливостям, морально оправданно. Поэт признает за влюбленным право покинуть поле битвы и возвратиться к своей возлюбленной тем путем, который не признает никакого закона (*concessum nulla lege redibit iter* — II. 27. 1–16). Несправедливый закон (*lex*) Рима Проперций противопоставляет счастливому закону (*felix lex*) Индии — воображаемой жертвы грабительской экспансии Августа. У индов жена следует на погребальный костер вслед за покойным мужем, являя пример немислимой супружеской преданности, в то время как в Риме не сыщешь ни одной верной (*fida*) Эвадны, ни одной преданной (*pia*) Пенелопы (III. 13. 15–24). Восточный народ, не разграбляющий другие страны и издающий законы прежде всего для внутренней жизни, оказывается, может быть добродетельнее воинственных римлян.

Таким образом, в дискурсе Проперция понятия *lex* и *ius* выступают важными спутниками непрекращающихся грабительских войн как сущностной черты нового имперского порядка. Поощряя жажду наживы посредством планомерного расширения римского мира, Август не только не справляется с задачей восстановления древних нравов, но способствует дальнейшему процветанию пороков. В этом смысле принципат выглядит примерным продолжателем дела республики⁵¹, за исключением того, что государство теперь возглавляет верховный военачальник, *deus Caesar*, под властью которого обогащаются уже не представители нобилитета, но приближенные правителя⁵², а компетенция законов и права смещается с внутривполитической жизни на внешний мир.

Вторая важная линия восприятия элегиками *lex* и *ius* тесно связана с их пониманием свободы (*libertas*) и счастья (*felicitas*). Наиболее явно она присутствует у Овидия в его описании легендарного критского царя Миноса. Уподобив правителя Крита Августу, поэт тем самым изобразил принципат как, по существу, тиранический режим, подавляющий свободу и препятствующий счастливой жизни.

В статье, посвященной исследованию семантики *libertas* в трудах Овидия, мы попытались показать, что свобода для поэта означала прежде всего возможность реализации любовных страстей, а также право высказывать в частной жизни непристойные мысли⁵³. Стремясь к такой свободе как непременно условию

⁴⁹ Та же ненависть к сводне у Тибулла (Tib. I. 5. 47–60).

⁵⁰ Лирический герой Овидия сравнивает предпочитаемого девушкой состоятельного солдата с проституткой, добывающей богатства своим телом (*Am.* III. 8. 20).

⁵¹ В данном случае мы имеем в виду не абстрактный принцип организации гражданской общины (*civitas*) — *res publica*, а аристократическую форму правления нобилитета — *res publica libera*. См. Mezheritskiy 2016, 20, 207, 218–230, 305, 491, 751–756.

⁵² По словам поэта, если бы Меценат не был скромным по своей натуре, то он, как приближенный Августа, мог бы с легкостью добывать в военных походах всевозможные богатства (III. 9. 23–30).

⁵³ Usov 2021, 9–16.

счастливой жизни (*felicitas* — *Her.* XVII. 185–188; *Met.* VIII. 51–52; IX. 632; X. 329), персонажи Овидия пытаются побороть *страх* (*metus, timor*) и *стыд* (*pudor*) и тем самым преодолеть внушающие их законы⁵⁴. Похожую установку мы видим и у Проперция. Хотя лирический герой элегика называет любовь рабской службой своей возлюбленной (*servitium* — *Prop.* I. 12. 18)⁵⁵, он тяготеет к ней как ключевой предпосылке счастья (*felicitas* — I. 12. 12–18; I. 13. 35–36; II. 6. 23–24; II. 15. 1–2). Свободную (*liber*) жизнь он противопоставляет целомудренному ложу (*lectus pudicus* — II. 32. 47–62), любовную страсть — древним законам (*antiquae leges*) строгих старцев (*duri senes* — II. 30. 11–24)⁵⁶, апеллируя при этом, подобно Библиде у Овидия, к любовным похождениям богов как неоспоримому прецеденту, санкционирующему поведение земных любовников (II. 30. 28–32; II. 32. 52–60). Рим стал бы более дорог (*carior*) Проперцию, если бы он последовал примеру спартанских законов (*lex, iura*), при которых женщины не томятся в собственных комнатах и не боятся наказания (*poena*) от строгого мужа (*austerus vir* — III. 14. 1–4, 21–24, 33–34). Для Овидия и Проперция истинный закон (*lex, ius*) — это не повеление принцепса, а прихоть сердца⁵⁷. Власть (*iura*) Венеры, простирающаяся не только на *земли* (*terrae*) и *моря* (*undae*), но и на небеса (*caelum*), полнее власти Августа (*Ovid. Fast.* IV. 91–94, 117–118). Не случайно Орфей у Овидия вступает в схватку с принцепсом как альтернативный ему *законодатель* (*auctor*) в сфере любовных отношений (*Met.* X. 83–84). Если Август-*auctor* (*RGDA.* 8. 5) издает стимулирующие деторождение законы, то Орфей-*auctor* изобретает едва ли способствующую этому педерастию⁵⁸. К тому же поведенный Орфеем рассказ о сексуальном влечении Мирры к своему отцу (*Met.* X. 300–500) предупреждает читателя о несчастьях, которые могут принести родителю собственные дети⁵⁹.

Историей побега Дедала из заточения Миноса Овидий образно раскрывает мысль о бессилии правителя перед силой любовной страсти. В «Науке любви» этот рассказ обрамляет сравнение беглеца с Амуром⁶⁰: он тоже двукрылый и на него также трудно наложить какие-либо ограничения (*modus* — *Ars am.* II. 19–20, 97–98). Дедал-«раб» безуспешно пытается уговорить Миноса, своего господина

⁵⁴ *Her.* XVII. 113–114, 153–154, 184; *Met.* IX. 515, 527, 531, 551–559, 569; X. 319–331; также см. *Her.* XVI. 285–286; *Ars.* III. 57–62, 613–616; *Met.* VI. 513–514, 534–537; VII. 715–716; X. 50–51, 202–203, 572–574, 721–726.

⁵⁵ Также см. *Prop.* I. 9. 1–3; II. 8. 12–15; II. 10. 29–30; II. 23. 23–24; II. 30. 7–10; III. 11. 1–4.

⁵⁶ В том же духе Тибулл противопоставляет *servitium* любовника свободе отцов (*libertas* — *Tib.* II. 4. 1–4).

⁵⁷ *Prop.* III. 20. 15–16, 25–27; *Ovid. Her.* IV. 10–12; XV. 79–82; *Ars am.* II. 157–158; *Rem. am.* 266–270.

⁵⁸ Ziogas 2016, 28–30; 2021, 352–360.

⁵⁹ Ziogas 2016, 33–40; 2021, 360–382.

⁶⁰ Исследователи также часто указывают на сходство образа Дедала с самим Овидием: Feldherr 2010, 111 (особ. п. 94). Б. Павлок доказывает, что лабиринт Дедала у поэта помимо прочего служит метафорой устройства его «Метаморфоз», а также ассоциируется с гениальностью и личной трагедией архетипического архитектора: Pavlock 1998; 2009, 61–88. На то, что описание лабиринта Дедала может говорить о самих «Метаморфозах», обратила внимание С. Браун: Brown 2005, 105–106.

(dominus⁶¹ — *Ars am.* II. 40), даровать ему долгожданное освобождение и в конечном итоге решается бежать по единственно возможному пути — небу (*Ars am.* II. 25–40; *Met.* VIII. 185–187). Ведь *земли и моря* находятся в собственности его поработителя (Possidet et terras et possidet aequora Minos... — *Ars am.* II. 35; *Met.* VIII. 187). Изобретением крыльев Дедал устанавливает *новые законы* человеческой природе (naturae iura novanda — *Ars am.* II. 42), которые позволяют избрать *новый путь* (novum iter), восхищающий и избавляющий от *страха* (timor — *Ars am.* II. 75). Уподобляя Дедала Амуру, Овидий ясно показывает, что власть человека, пусть даже всесильного владыки, не способна удержать порыв божественной по своей природе любовной страсти. Раз уж Минос не смог совладать с человеческими крыльями, то поэту тем более не справиться с крылатым богом Амуром (*Ars am.* II. 97–98).

Уже при первом приближении Минос напоминает Августа⁶², господствующего над всем orbis terrarum⁶³ и подавляющего сердечное чувство *законом* и страхом. Идея *закона* как важного противовеса человеческим страстям тесно связана с образом критского правителя, с его pietas (благочестием). Именно Минос, подчиняя своей власти острова Эгейского моря (*Met.* VII. 456–504), устанавливает для побежденных *новые законы* (leges — *Met.* VIII. 101–102). Руководит им отцовский гнев (patria ira) и жажда справедливой мести (ulcisci) за смерть своего сына Андрогеея (*Met.* VII. 456–458; VIII. 58–59), что в совокупности с его уважительным отношением к Юпитеру (*Met.* VIII. 152–153) характеризует его как благочестивого (pius) царя. Хорошо известно, как много pietas значила для идеологии Августа, выступавшего мстителем за смерть своего приемного отца Цезаря (Suet. *Aug.* 10. 1; 29. 2)⁶⁴. Сам Овидий говорит об Августе как о могущественнейшем мстителе (fortissimus ultor — *Met.* XV. 820–821) и несколькими строками ниже подчеркивает его законотворческие полномочия, называя его *справедливейшим законодателем* (iustissimus auctor — *Met.* XV. 833). Важно, что именно так поэт называет Миноса — iustissimus auctor (*Met.* VIII. 101), и практически так же к нему обращается Дедал — iustissimus Minos (*Ars am.* II. 25). Напомним, что Август именует себя законодателем (auctor), когда сообщает об изданных им брачных законах (leges novae — *RGDA.* 8. 5), одной из целей которых было нравственное возрождение римского общества⁶⁵. Кроме того, в той же роли выступает Орфей, когда учреждает новую модель сексуальных отношений (*Met.* X. 83–84). Наконец, Минос провозглашается iustissimus auctor сразу после его сурового суда над нечестивой Скиллой, которая ради личного *счастья* (felicitas — *Met.* VIII. 36–37, 51–52), *любви* (amor) к критскому царю (*Met.* VIII. 90, 92), предала собственного отца, мегарского правителя Ниса (*Met.* VIII. 85–95). Благочестивый Минос назвал ее *позором* века (o nostri infamia saeculi), пригрозив ей тем, что боги прогонят преступницу с *земного круга* (orbis), *суша* (tellus) и *море* (pontus)

⁶¹ По словам Светония, Август негативно относился к обращению к себе dominus, считая это слово бранным и оскорбительным (Suet. *Aug.* 53. 1).

⁶² Feldherr 2010, 113.

⁶³ Про власть Рима над всем земным кругом в идеологии Августа см. Makhlayuk 2019, 656–657, 660–668, 672–673.

⁶⁴ О сыновьем долге Октавиана перед Цезарем и добродетели pietas в идеологии Августа см. Mezheritskiy 2016, 160, 172, 369–370, 406, 517–518, 572, 582, 597, 612, 616.

⁶⁵ Milnor 2005, 140–141.

ее отвергнут, наконец, он сам не допустит того, чтобы такой монстр (*monstrum*⁶⁶) осквернил своим присутствием его родной Крит (*Met.* VIII. 97–100). Отвергнутая возлюбленным, словно Дидона Энеем или Библида Кавном, Скилла лишается шанса на счастливую жизнь и, прогнанная с земного круга, суши и моря, над которыми властвует добродетельный Минос-Август, вынуждена птицей скрываться в небе (*Met.* VIII. 142–151) – единственном месте, недоступном для законов земного владыки.

Критский царь выносит приговор, но не расследует преступление – за его осуждением следует неминуемая кара преступника. Так же ведет себя Юпитер на собрании богов-сенаторов, когда единолично карает нечестивого Ликаона и насылает потоп на порочный человеческий род (*Met.* I. 163–245)⁶⁷. Похожим образом в «Скорбных элегиях» поступает и Август, когда ссылает Овидия в «варварские» Томи (*Tr.* I. 2. 64–68)⁶⁸. Учитывая все вышесказанное, мы приходим к выводу, что правитель Крита выступает у Овидия не столько завоевателем, налагающим законы на побежденных, сколько блюстителем нравов, искореняющим тлетворные пороки граждан. На эту мысль также намекает то обстоятельство, что Овидий называет Августа справедливейшим законодателем именно в контексте его внутриполитической деятельности.

Теперь более внимательно взглянем на репрезентацию у Овидия образа принцепса. Он тоже военачальник и мститель. Он владеет всей обитаемой *землей* (*tellus*), ему подчиняется *море* (*pontus* – *Met.* XV. 830–831; *Fast.* II. 138), при нем Риму везде сияет солнце (*Fast.* II. 136). Даровав землям (*terrae*) мир (*pax*), он обращается к гражданским *правам* (*civilia iura*) и как *iustissimus auctor* устанавливает новые *законы*⁶⁹ (*leges* – *Met.* XV. 832–833), которые процветают под его властью (*florēt sub Caesare leges* – *Fast.* II. 141). Своим примером он упорядочивает *нравы* (*mores* – *Met.* XV. 834), как судья охраняет моральную чистоту римских жен и уничтожает *нечестие* (*nefas* – *Fast.* II. 139–140). Август, отец отечества, – земной Юпитер⁷⁰, превзошедший во всем своего предка – царя Ромула (*Fast.* II. 127–144). Итак, господство над землями и морями, учреждение *законов* и забота о нравах – основные слагаемые обликов двух правителей: легендарного царя Крита и современного Овидию принцепса Рима.

Тем не менее образ Миноса-Августа остается достаточно двусмысленным и предоставляет возможность для полярных прочтений. Как известно, античность знала два противоположных изображения владыки Крита. С одной стороны, он

⁶⁶ Гораций называет монстром порочную египетскую царицу Клеопатру (*Od.* I. 37. 21). По словам Э. Френкеля, слово *monstrum* в эту эпоху было гораздо ближе к греческому *téras* (знамение, диковина) и римскому *portentum*, *prodigium* (чудо), чем к английскому *monster* (монстр, изверг); т.е. оно означало нечто, находящееся за гранью привычного, то, что вызывает страх, который постепенно сменяется восхищением (Fraenkel 1957, 160).

⁶⁷ Balsley 2011, 57–59.

⁶⁸ McGowan 2009, 38.

⁶⁹ Вероятнее всего, что речь – о брачных законах 18–17 гг. до н.э.

⁷⁰ О тиранических чертах Юпитера-Августа у Овидия см. Lowrie 2009, 375–376 (особ. п. 40).

мудрый законодатель, основатель новых городов и культурный герой, распространявший начала цивилизации по всему миру; с другой — «жестокий, самовластный деспот и притеснитель, воплощение зловещей агрессивности»⁷¹. Овидий позволяет дискурсу официальной идеологии вычленить положительный образ Миноса как справедливого судьи-законодателя, по заслугам изгнавшего из orbis terrarum нечестивую и безумную Скиллу. Но элегический дискурс, в рамках которого любовь представляет главную ценность и основу мироздания⁷², описывает критского царя как противного свободе тирана. Он прогоняет не грешницу-Скиллу, но отчаянную влюбленную, пожертвовавшую всем ради сердечного чувства и личного счастья. Под законами такого строгого владыки почитатель Амура обречен на несвободное и безрадостное существование. Земли и моря, подчиненные несправедливым установлениям, гонят его прочь, и только новые законы человеческого естества, чудесная метаморфоза — изобретение крыльев, превращение в птицу — способны освободить его из этого невыносимого рабства. В рамках своего понимания закона Овидий, как и Проперций, изображает принципат логическим продолжением республики. Однако если у Проперция республиканская мораль испорчена трофейным золотом, то у Овидия, создавшего все свои труды уже после издания законов о браке (18–17 гг. до н.э.), суровые нравы и жесткие ограничения человеческих страстей процветают под властью Августа. Отличие нового режима от республики заключается в появлении полновластной фигуры судьи-законодателя — принцепса, присвоившего себе основные контролирующие функции отцов-сенаторов (*Romani patres* — *Fast.* V. 312) и в роли императора распространяющего римский закон по всему миру.

Итак, в большинстве рассмотренных случаев *lex* и *ius* у Проперция и Овидия обозначают строгое предписание, власть кого-либо над чем-либо или кем-либо. Элегический дискурс делит такие законы на два взаимоисключающих друг друга типа: с одной стороны — внешние государственные постановления, с другой — внутреннее повеление сердца влюбленного. *Leges* и *iura* первого типа вполне в соответствии с государственной идеологией связываются с фигурой Августа. У Проперция первый гражданин изображается преимущественно как император, победоносный военачальник, богоподобный Цезарь, законотворчество которого призвано подчинить его власти другие народы — объект его грабежа. Остается не до конца ясным, относился ли поэт к законам римского правителя лишь как к правовому орудию эксплуатации покоренных стран, либо видел в них нечто большее, подразумевая, что ограбление чужестранцев ограничивалось этапом их завоевания. Как бы то ни было, главной целью всех завоевательных войн Цезаря литератор называет именно ограбление, помещая в один семантический ряд его *iura* и всевозможные боевые трофеи. Для Овидия же Август — в первую очередь принцепс, судья-законодатель, *iustissimus auctor*, сосредоточенный на частной жизни римских граждан. Он подавляет пороки, изгоняет нечестивых и культивирует добродетели.

⁷¹ Andreev 1990, 50.

⁷² Von Albrecht 2004, 821, 823.

Обеспечение Августом правопорядка, равнозначное для республиканского дискурса покровительству свободе (*libertas*) и пресечению своеволия (*licentia*), элегический дискурс расценивает как угнетение человеческих свобод, т.е. как главный фактор безрадостного существования. Согласно Проперцию, *iura* императора, тесно связанные с добычей трофейного золота, беззастенчиво благоволят всевозможным порокам, в результате чего неподдельная любовь, залог истинного счастья, уходит прочь. Можно сказать, что в восприятии поэта режим принципата развивает те же негативные тенденции, которые обозначились в эпоху Поздней Республики, хотя выгодополучателями от бесчисленных войн теперь выступают не нобили, но приближенные Августа. У Овидия, связавшего в единый смысловой ряд категории *amor*, *libertas* и *felicitas*, свобода подавляется непосредственно самими законами принципата, призванными возродить среди римских граждан старинные республиканские нравы и добродетели. При законах Августова правления Дедал-Амур томится в темнице, отчаянная влюбленная Скилла изгоняется из цивилизованного мира, и спасение для них — только в небе, царстве богини любви Венеры.

В конечном счете оба поэта изображают правление Августа как режим личной власти императора-принцепса, владеющего обширными территориями, издающего *leges/iura* и противостоящего индивидуальному счастью. Проперций акцентирует внимание на военизированной принципате и его имперских амбициях, Овидий — на его республиканской по своему духу репрессивности, аналог которой он обнаруживает в царстве двуликого Миноса. Если мы попытаемся объединить художественные миры двух поэтов, перед нами окажется портрет военизированного царства Миноса, режима, начавшего с поощрения порока и закончившего насаждением добродетели, но на протяжении всего пути остававшегося беспощадным по отношению к счастью влюбленного.

Литература / References

- Albrecht, M. von 2004: *Istoriya rimskoy literatury* [A History of Roman Literature]. Vol. II. Moscow.
 Альбрехт, М. фон. *История римской литературы*. Т. 2. М.
 Andreev, Yu. V. 1990: *Poeziya mifa i proza istorii* [Poetry of Myth and Prose of History]. Leningrad.
 Андреев, Ю. В. *Поэзия мифа и проза истории*. Л.
 Arena, V. 2012: *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge.
 Arena, V. 2021: Liberty and the rule of law. In: P. Cartledge, C. Atack (eds.), *A Cultural History of Democracy in Antiquity*. Vol. I. London—New York—Oxford—New Delhi—Sydney, 37–56.
 Balmaceda, C. 2020: *Libertas in early Latin authors*. In: C. Balmaceda (ed.), *Libertas and Res Publica in the Roman Republic: Ideas of Freedom and Roman Politics*. Leiden—Boston, 33–54.
 Barchiesi, A. 1997: *The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse*. Berkeley—Los Angeles—London.
 Balsley, K. 2010: Between two lives: Tiresias and the law in Ovid's *Metamorphoses*. *Dictynna — Revue de poésie latine* 7, 13–31.
 Balsley, K. 2011: Truthseeking and truthmaking in Ovid's *Metamorphoses* 1. 163–245. *Law and Literature* 23/1, 48–70.
 Bowditch, Ph. L. 1994: Horace's poetics of political integrity: epistle 1.18. *American Journal of Philology* 115/3, 409–426.
 Brown, S. A. 2005: *Ovid: Myth and Metamorphosis*. London.
 Brunt, P. A. 1988: *The Fall of the Roman Republic and Related Essays*. Oxford.

- Casali, S. 2006: The art of making oneself hated: rethinking (Anti-)Augustanism in Ovid's *Ars Amatoria*. In: R. Gibson, S. Green, A. Sharrock (eds.), *The Art of Love: Bimillennial Essays on Ovid's Ars Amatoria and Remedia Amoris*. Oxford, 216–234.
- Coleman, K.M. 1990: Tiresias the judge: Ovid, *Metamorphoses* 3.322–38. *Classical Quarterly* 40/2, 571–577.
- Crook, J.A. 1967: *Law and Life of Rome (Aspects of Greek and Roman Life)*. London.
- Danilov, E.S. 2017: [Securitas in “Panegyrici Latini”]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 81–89.
- Данилов, Е.С. Securitas в «Panegyrici Latini». *ПИФК* 3, 81–89.
- Davis, P.J. 1999: Ovid's *Amores*: a political reading. *Classical Philology* 94/4, 431–449.
- Davis, P.J. 2016: Freedom of speech in Virgil and Ovid. In: P. Mitsis, I. Ziogas (eds.), *Wordplay and Powerplay in Latin Poetry*. Berlin–Boston, 183–198.
- Devine, A.M. 1978: *A Study of the Aristocratic Ideal and the Theme of Moral Decline in Latin Love Elegy*. PhD thesis. Hobart.
- Drinkwater, M.O. 2013: Militia amoris: fighting in love's army. In: T.S. Thorsen (ed.), *The Cambridge Companion to Latin Love Elegy*. Cambridge, 194–206.
- Durov, V.S. 2000: *Istoriya rimskoy literatury* [A History of Roman Literature]. Saint Petersburg.
- Дуров, В.С. История римской литературы. СПб.
- Eckerman, Ch. 2016: Freedom and slavery in Vergil's eclogue 1. *Wiener Studien* 129, 257–280.
- Feldherr, A. 2010: *Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction*. Princeton–Oxford.
- Fraenkel, E. 1957: *Horace*. Oxford.
- Galinsky, K. 1975: *Ovid's Metamorphoses: An Introduction to the Basic Aspects*. Berkeley–Los Angeles.
- Galinsky, K. 2006: Vergil's uses of “libertas”: texts and contexts. *Vergilius* 52, 3–19.
- Galinsky, K. 2017: [Augustan literature and Augustan “ideology”: an ongoing reassessment]. *Shagi / Steps* 3/4, 151–167.
- Галински, К. Августовская литература и августовская «идеология»: пересмотр оценок. *Шаги / Steps* 3/4, 151–167.
- Gebhardt, U.C.J. 2009: *Sermo Iuris: Rechtssprache und Recht in der augusteischen Dichtung*. Leiden–Boston.
- Hollis, A.S. 1994: Rights of way in Ovid (*Heroides* 20.146) and Plautus (*Curculio* 36). *Classical Quarterly* 44/2, 545–549.
- Janan, M. 2001: *The Politics of Desire: Propertius IV*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Johnston, P.A. 2006: Turnus, horses, and “libertas”. *Vergilius* 52, 20–31.
- Kenney, E.J. 1969: Ovid and the law. *Yale Classical Studies* 21, 241–263.
- Kenney, E.J. 1970: Love and legalism: Ovid, *Heroides* 20 and 21. *Arion: A Journal of Humanities and the Classics* 9/4, 388–414.
- Kennedy, D.F. 1992: “Augustan” and “Anti-Augustan”: reflections on terms of reference. In: A. Powell (ed.), *Roman Poetry and Propaganda in the Age of Augustus*. London, 26–58.
- Knabe, G.S. 1993: [Rome of Titus Livy – image, myth and history]. In: E.S. Golubtsova (ed.) *Tit Livy, Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [The History of Rome from Its Foundation]. Vol. III. Moscow, 590–655.
- Кнабе, Г.С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.) *Тит Ливий, История Рима от основания города*. Т. 3. М., 590–655.
- Kudryavtseva, T.V. 2015: [Peace plea and opposition to war in the Roman poetry of the Civil wars epoch]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and Publications on the History of the Ancient World] 15, 329–339.
- Кудрявцева, Т.В. Призывы к миру и критика войны в римской поэзии эпохи гражданских войн. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 15, 329–339.
- Lefèvre, E. 1998: Vergil as a republican: *Aeneid* 6.815–35. In: H.P. Stahl (ed.), *Vergil's Aeneid: Augustan Epic and Political Context*. London, 101–118.
- Lowrie, M. 2009: *Writing, Performance, and Authority in Augustan Rome*. Oxford–New York.
- Lowrie, M. 2010: Vergil and founding violence. In: J. Farrell, M.C.J. Putnam (eds.), *A Companion to Vergil's Aeneid and Its Tradition*. Malden (MA)–Oxford, 391–403.
- Makhlayuk, A.V. 2019: [The space of the Roman world in “the Res gestae divi Augusti”]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 79/3, 653–677.
- Махлаюк, А.В. Пространство римского мира в “Res gestae divi Augusti”. *ВДИ* 79/3, 653–677.

- Mazurek, T. 1997: Self-parody and the law in Horace's "Satires" 1.9. *Classical Journal* 93/1, 1–17.
- McGinn, Th.A.J. 2001: Satire and the law: the case of Horace. *Cambridge Classical Journal* 47, 81–102.
- McGowan, M.M. 2009: *Ovid in Exile: Power and Poetic Redress in the Tristia and Epistulae ex Ponto*. Leiden–Boston.
- Mezheritskiy, Ja. Yu. 2016: "Vosstanovlennaya respublika" imperatora Avgusta [Emperor Augustus' "Restored Republic"]. Moscow.
- Межерицкий, Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.
- Milnor, K. 2005: *Gender, Domesticity, and the Age of Augustus: Inventing Private Life*. New York.
- Moreva-Vulikh, N.V. 2000: *Rimskiy klassitsizm: tvorchestvo Vergiliya, lirika Goratsiya* [Roman Classicism: Virgil's Works, Horace's Lyrics]. Saint Petersburg.
- Морева-Вулих, Н.В. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. СПб.
- Oshero, S.A. 1983: [Ovid's lyrics and epic]. In: S.V. Shervinskiy (ed.), *Ovidiy, Lyubovnye elegii. Metamorfozy. Skorbnye elegii* [Ovid. Amores. Metamorphoses. Tristia]. Moscow, 3–22.
- Ошеро, С.А. Лирика и эпос Овидия. В кн.: С.В. Шервинский (ред.), *Овидий, Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии*. М., 3–22.
- Pavlock, B. 1998: Daedalus in the labyrinth of Ovid's "Metamorphoses". *Classical World* 92/2, 141–157.
- Pavlock, B. 2009: *The Image of the Poet in Ovid's Metamorphoses*. Madison.
- Pokrovskiy, M.M. 1907: *Ocherki po rimskoy istorii i literature* [Essays on Roman History and Literature]. Saint Petersburg.
- Покровский, М.М. *Очерки по римской истории и литературе*. СПб.
- Rich, J.W., Williams, J.H.C. 1999: Leges et iura P.R. Restituit: a new aureus of Octavian and the settlement of 28–27 B.C. *Numismatic Chronicle* 159, 169–213.
- Schmidt, E.A. 2001: The meaning of Vergil's "Aeneid": American and German approaches. *Classical World* 94/2, 145–171.
- Segal, Ch. 1989: *Orpheus: The Myth of the Poet*. Baltimore–London.
- Shtaerman, E.M. 1985: [From citizen to subject]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kul'tura drevnego Rima* [Culture of Ancient Rome]. Vol. I. Moscow, 22–105.
- Штаерман, Е.М. От гражданина к подданному. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 22–105.
- Shumilin, M.V. 2015: [Political context of Roman poetry]. *Shagi / Steps* 1/1, 213–222.
- Шумилин, М.В. Политический контекст римской поэзии. *Шаги / Steps* 1/1, 213–222.
- Smith, R.A. 2006: Books in search of a library: Ovid's "response" to Augustan "Libertas". *Vergilius* 52, 45–54.
- Tatum, W.J. 1998: Ultra legem: law and literature in Horace, Satires II.1. *Mnemosyne* 51/6, 688–699.
- Tokarev, A.N. 2011: *Stanovlenie ofitsial'noy ideologii printsipata imperatora Avgusta* [Formation of the Official Ideology of the Emperor Augustus' Principate]. Kharkiv.
- Токарев, А.Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков.
- Tronskiy, I.M. 1988: *Istoriya antichnoy literatury* [A History of Ancient Literature]. Moscow.
- Тронский, И.М. *История античной литературы*. М.
- Usov, D.A. 2021: [Libertas as interpreted by Ovid: freedom or willfulness?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History] 4, 3–18.
- Усов, Д.А. Libertas в трактовке Овидия: свобода или своеволие? *Вестник Московского университета. Серия 8. История* 4, 3–18.
- VerSteeg, R., Barclay, N. 2003: Rhetoric and law in Ovid's Orpheus. *Law and Literature* 15/3, 395–420.
- Von der Osten, D.E. 2006: The cult of the goddess "Libertas" in Rome and its reflection in Ovid's poetry and Tibullan love elegy. *Vergilius* 52, 32–44.
- Wirzubski, Ch. 1968: *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge.
- Wyke, M. 1989: Mistress and metaphor in Augustan elegy. *Helios* 16, 25–47.
- Ziogas, I. 2016: Orpheus and the law: the story of Myrrha in Ovid's Metamorphoses. *Law in Context* 34/1, 24–41.
- Ziogas, I. 2021: *Law and Love in Ovid: Courting Justice in the Age of Augustus*. Oxford.